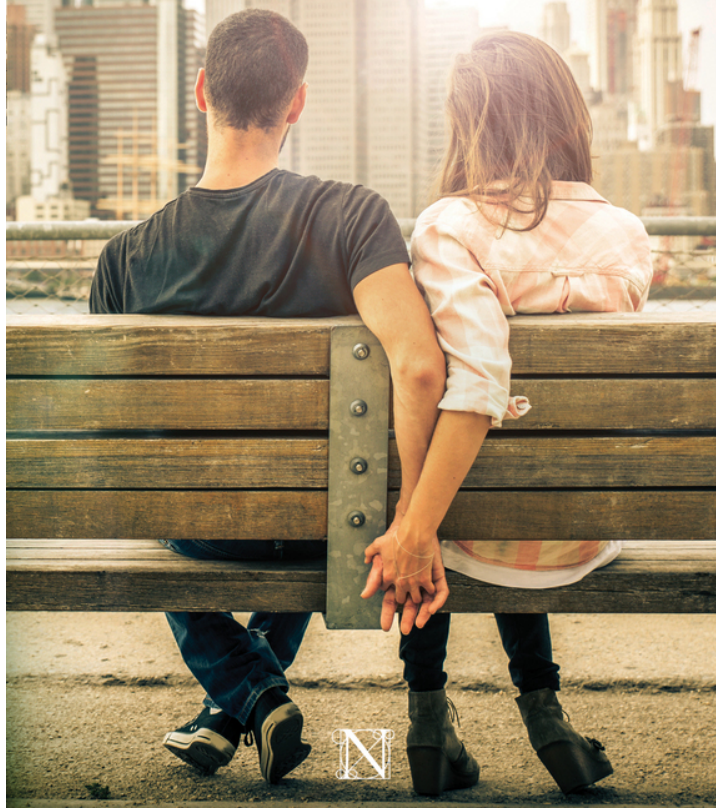

САРА ДЕССЕН
ЧТО ТАКОЕ
«НАВСЕГДА»

Сара Дессен
Что такое «навсегда»
Серия «Настоящая сенсация!»

текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/29181094>

Что такое «навсегда». Роман: АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-102714-8

Аннотация

<p>Жизнь семнадцатилетней Мейси Куин разрушилась...</p>
<p>Любимый отец скоропостижно скончался. Мать, всегда отличавшаяся властным характером, после смерти мужа стала буквально одержима жадой контроля, а ее перфекционизм начал принимать болезненные формы. Кроме того, бойфренд Мейси предложил ей сделать перерыв в отношениях.</p>
<p>Растерянная, сбитая с толку, страдающая от горя утраты и невозможности соответствовать материнским представлениям об «идеальной дочери», девушка решает что-то резко изменить и устраивается на лето официанткой.</p>
<p>Мейси и не подозревает, что на новом месте работы ей предстоит найти и новых друзей, и человека, который сумеет объяснить простую истину: что толку стремиться к совершенству, если оно не приносит счастья?..</p>

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сара Дессен

Что такое «навсегда»

Роман

Sarah Dessen

The Truth about Forever

© Sarah Dessen, 2004

© Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Посвящается, как всегда, Джею и моим кузенам, которым не хуже чем мне известны вид на реку и залив, сложные правила нашей игры в прятки и все пути, что не ведут в рай. Чтобы назвать каждого, пришлось бы написать еще одну книгу. Вы сами знаете, кого я имею в виду.

Глава 1

Джейсон собирался в «лагерь для умников», который все так и называли, хотя у него было и другое, официальное, название.

– Так. – Последняя пара носков аккуратно засунута в свободную щелочку между вещами в чемодане. – Давай еще раз пройдемся по списку.

Передо мной лежал листок бумаги.

– Ручки. Тетради. Телефонная карточка. Батарея для фотоаппарата. Витамины.

Джейсон методично перебирал предметы, которые я называла, убеждаясь в их наличии. Он всегда и все проверяет по сто раз – ему нужна стопроцентная уверенность.

– Калькулятор, – продолжала я. – Ноутбук...

– Стоп! – Он поднял руку, подошел к столу, открыл чехол, убедился, что ноутбук никуда не убежал, и кивнул.

– Переходим к списку номер два.

Я пробежала взглядом листок и откашлялась.

– Чистые диски. Адаптер. Наушники...

Когда мы прошлись по второму списку, а потом закончили с первым, дважды остановившись на подзаголовках «Туалетные принадлежности» и «Разное», Джейсон, кажется, удостоверился, что ничего не забыл. Тем не менее он продолжал наворачивать круги по комнате и что-то бормотать

себе под нос. Нелегко быть совершенным. Если вам это не дано, то можете даже не пробовать.

Джейсон не просто стремился к совершенству. В отличие от многих он не считал его недостижимым. Чтобы достичь совершенства, моему бойфренду оставалось сделать всего несколько шагов. Будь совершенство городом, он бы не просто приехал туда на экскурсию. Нет, он перебрался бы туда жить.

Поэтому Джейсон был чемпионом штата по математике, руководил дискуссионным клубом, получал на экзаменах самые высокие баллы в истории школы, учился по углубленной программе с седьмого класса и по программе колледжа с десятого. Он два года подряд занимал пост президента ученического совета, отвечал за новаторскую программу переработки отходов, внедряемую теперь в школах по всей стране, а также свободно владел испанским и французским. Учебой дело не ограничивалось: Джейсон практиковал веганство, а все прошлое лето помогал строить жилье для бездомных. Занимался йогой, каждое второе воскресенье навещал свою бабушку в доме престарелых и с восьми лет переписывался с мальчиком из Нигерии. У него получалось все, за что бы он ни брался.

Кое-кого его перфекционизм раздражал, но только не меня. Мне нужен был именно такой бойфренд, и я поняла это сразу, как только увидела его впервые – в десятом классе на уроке английского. Нас тогда разделили на группы, чтобы

выполнить задания по «Макбету», и мы с Джейсоном и Эми Ричмонд оказались в одной «тройке». Эми сразу же призналась, что «не особо в ладах со стариной Шекспиром», уронила голову на рюкзак и спокойно уснула. Джейсон удивленно посмотрел на нее и открыл учебник:

– Ну что ж, приступим.

Это произошло вскоре после папиной смерти, я тогда большей частью молчала. Слова приходили с трудом, порой я их просто не узнавала, и целые предложения казались написанными на иностранном языке. Несколькими днями ранее я, напечатав вверху страницы свое имя, поймала себя на том, что проверяю буквы и их порядок, как будто не уверена даже в том, как меня зовут. Так что «Макбет» оказался для меня неразрешимой загадкой – я все выходные боролась с архаичным языком и странными именами персонажей, тщетно стараясь уяснить смысл истории.

Открыв книгу, я уставилась в текст.

Умри я час назад, я жизнь бы прожил
Счастливец, ибо для меня теперь
Все стало прахом в этом бренном мире,
Где больше нет ни щедрости, ни славы¹.

«Нет, этого мне никогда не понять», – подумала я.

К счастью, Джейсон явно не собирался упускать отличную

¹ У. Шекспир. Макбет. Перевод Ю. Корнеева.

оценку и по привычке взял дело в свои руки. Он открыл тетрадь на чистой странице, занес ручку и обратился ко мне:

– Сначала давай определимся с основными темами. Тогда поймем, о чем писать.

Я кивнула. Вокруг галдели одноклассники, усталый голос учителя тщетно призывал всех к тишине. Джейсон начертил на листе несколько линий и четким квадратным почерком написал: «Убийство. Власть. Брак. Мсть. Пророчество. Политика». Мне показалось, что это будет продолжаться вечно, но он вдруг остановился и поднял взгляд на меня.

– Что еще?

Я поспешно опустила глаза в книгу, как будто написанные там слова могли внезапно обрести смысл. Джейсон терпеливо ждал, когда я внесу свою лепту. Я пробормотала что-то нечленораздельное, сглотнула и призналась:

– Если честно, я не понимаю.

Я была уверена, что Джейсон сейчас посмотрит на меня таким же презрительным взглядом, как на уснувшую посреди урока Эми Ричмонд, но, к моему удивлению, он отложил ручку и деловито спросил:

– Какой акт ты не поняла?

– Все, – призналась я, и он не закатил глаза, как я ожидала. Тогда я добавила: – В смысле, я знаю, что пьеса об убийстве, и там вторжение, но остальное... Ничего не понятно.

– Смотри, – он снова взял ручку, – все не так сложно, как тебе кажется. Чтобы понять, надо начинать с пророчества о

том, что должно случиться.

Он принялся листать страницы, нашел нужное место и прочел абзац вслух.

– Видишь, вот здесь.

В его прочтении слова, как по волшебству, менялись, становились простыми и понятными. И я впервые за долгое время почувствовала спокойствие. Мне давно хотелось, чтобы кто-то вот так же легко и понятно объяснил, что случилось со мной, с моей жизнью, разложил все по полочкам. В глубине души я подозревала, что это не так просто, но Джейсон подарил мне надежду. Он разобрался в «Макбете», и я решила, что он поможет мне разобраться в себе. Меня потянуло к Джейсону, и я так и осталась рядом с ним.

Теперь он застегнул молнию на сумке с ноутбуком, положил ее на кровать к остальным вещам и в последний раз оглядел комнату:

– Ладно, пойдем.

Когда мы вышли из дома, его родители уже сидели в своем «Вольво». Мистер Тэлбот открыл багажник и помог сыну уложить вещи. Я села сзади и пристегнула ремень безопасности. Миссис Тэлбот повернула голову и улыбнулась мне с переднего сиденья. Она преподавала в университете ботанику, а ее муж – химию. Оба были такие ученые, что, когда я случайно встречала их без книги или папки с бумагами, мне казалось, у них не хватает руки или ноги.

– Ну, Мейси, – попыталась завязать беседу миссис Тэлбот,

– чем будешь заниматься до августа, пока Джейсон в лагере?
– Не знаю.

Следующие два месяца я должна была подменять Джейсона за информационной стойкой в библиотеке. Кроме этого, заняться было решительно нечем. Друзья по ученическому совету разъехались: кто в Европу, кто в лагерь. Честно говоря, я проводила с Джейсоном почти все время, остававшееся от учебы, йоги, школьного самоуправления и всяких дополнительных нагрузок, так что ни с кем особо не общалась.

Кроме того, моего бойфренда раздражали люди, не разделяющие его отношение к жизни, так что я не стремилась с кем-то его знакомить. Если кто-то казался ему тупицей или бездельником, Джейсон быстро выходил из себя, поэтому проще было гулять вдвоем или с его друзьями, которые были ему ровней. Впрочем, я никогда не переживала по этому поводу. Даже у совершенства могут быть свои недостатки.

По дороге в аэропорт Джейсон с отцом обсуждали какие-то выборы в Европе, а его мама без конца жаловалась на дорожные работы. Я сидела, опустив взгляд на наши колени, между которыми оставалась пара сантиметров пустого пространства, и спрашивала себя, почему я не пытаюсь подвинуться ближе. Надо признаться, уже не в первый раз. Джейсон поцеловал меня только на третьем свидании, а теперь, спустя полтора года, мы еще не обсуждали возможность чего-то большего. Когда мы только начали встречаться, я не выносила даже объятий и не хотела подпускать ко-

го-то слишком близко. Мне нужен был парень, который поймет мои чувства. Но в последнее время хотелось чего-то еще.

В аэропорту родители попрощались с Джейсоном у входа. Они обняли сына, прошли через зал ожидания к окну и уставились на взлетную полосу с куском голубого неба, тактично оставив нас наедине. Я тоже обняла Джейсона и уткнулась ему в плечо, вдыхая его запах, чтобы запомнить на все лето. От него пахло спортивным дезодорантом и лосьоном от угрей.

– Я буду очень скучать по тебе, – сказала я.

– Всего каких-то восемь недель, – ответил он, целуя меня в лоб.

Затем быстро – так быстро, что я даже не успела ничего почувствовать, – чмокнул в губы, отстранился и посмотрел в лицо, обнимая за талию.

– Я буду писать, – и снова поцеловал в лоб.

Когда объявили рейс и Джейсон скрылся в туннеле, ведущем в самолет, я стояла с Тэлботами, глядя ему вслед и чувствуя тяжесть в груди. Длинное будет лето. Мне так хотелось настоящего поцелуя, который запомнился бы надолго, но я уже очень давно научилась не требовать слишком многого от прощаний. Они ничего не обещают и не гарантируют: радуйся, что с тобой вообще попрощались.

Мой отец умер у меня на глазах. Именно это приходило в голову всем, кто слышал мое имя. Я – не Мейси Куин, дочь

Деборы, которая строит восхитительные дома в новом элитном районе. И не младшая сестра Кэролайн, у которой прошлым летом была самая потрясающая свадьба в округе. И даже не чемпионка, побившая однажды рекорд школы по бегу на короткую дистанцию.

Нет. Я – Мейси Куин, которая проснулась на следующий день после Рождества, вышла на улицу и увидела, что ее отец лежит на дороге, а какой-то прохожий пытается оказать ему первую помощь.

Я была для всех девочкой, на глазах которой умер ее отец. Стоило людям увидеть меня, как они сразу же вспоминали эту трагическую историю, и на их лицах немедленно появлялось особенное выражение: голова чуть набок, скорбно поджатые губы, печаль в глазах. Они как бы говорили: «О господи, бедняжка Мейси!» Я не сомневалась в их добрых намерениях, но для меня это было лишь ничего не значащее сокращение мускулатуры. Я ненавидела это выражение, преследовавшее меня везде.

Впервые это случилось в больнице. Я сидела на пластмассовом стуле возле автомата с водой, когда из маленькой комнаты ожидания вышла моя мама. Я уже знала, что туда приглашают людей, чтобы сообщить самую плохую новость: тот, кого они ждали, умер. Чуть раньше мне пришлось наблюдать, как это произошло с другой семьей: десять шагов, поворот за угол, и надежда сменяется безысходностью.

Когда мама вышла ко мне, я уже все поняла. Ее сопровож-

дала толстая медсестра с какими-то бумагами. Она увидела меня – в спортивных штанах, растянутом свитере и старых беговых кроссовках, и на ее лице появилось это выражение: «Ох, бедняжка». Тогда я еще не знала, что оно будет преследовать меня везде: на похоронах, в магазине, в школе, даже на улице. Я опускала голову, утыкаясь взглядом в землю или рассматривая потертости на туфлях, но все равно чувствовала эти жалостливые взоры.

Рядом со мной рыдала моя старшая сестра Кэролайн. Она плакала все время: пока шла служба в церкви, потом в лимузине, на кладбище, дома на поминках. Она так много плакала, что мне казалось, я не имею права ни на одну слезинку, даже если бы и могла ее выдавить. Если бы заплакал кто-то еще, все стало бы совсем невыносимо.

Я не могла примириться с тем, что папа ушел. Я ненавидела себя за то, что лениво и сонно отмахнулась, когда он заглянул в мою комнату и позвал на пробежку.

– Мейси, вставай, – шепнул он мне в ухо, – я дам тебе фору. Давай, ты же знаешь: только первый шаг дается с трудом.

Я ненавидела себя за то, что передумала только через пять минут, а не через две или три, и за то, что слишком долго искала спортивные штаны и зашнуровывала кроссовки. Я ненавидела себя за то, что бежала эти несколько сотен метров слишком медленно, и когда добежала до папы, он уже не мог ни услышать мой голос, ни посмотреть мне в лицо.

Я стала девочкой, отец которой умер у нее на глазах, все

об этом знали, и я не могла ничего изменить. Но злость на себя и страх оставались моей тайной, и я не собиралась делиться ею с окружающими. Это мое личное.

Когда я вернулась домой из аэропорта, на крыльце стояла коробка. Стоило мне взглянуть на обратный адрес, и все стало понятно.

– Мам? – крикнула я в гулкую пустоту дома, и дверь за моей спиной захлопнулась.

Столовая украшена цветами вперемишку со стопками рекламных брошюр – все готово к вечернему коктейлю в честь маминого нового проекта. Она только что начала строить новую очередь элитных таунхаусов, которые ей надо продать. Об этом сообщает лозунг над камином: мамино улыбающееся лицо и надпись: «„Дома Куин“ – мы построим вам королевский замок!»

Я прошла на кухню, поставила коробку на кухонный остров, точно по центру, подошла к холодильнику и налила себе апельсинового сока. Выпила все до последней капли, сполоснула стакан и поставила в посудомойку. Но, как бы я ни тянула время, коробка ждала меня. Надо было с этим покончить. Я достала из ящика ножницы и вспорола упаковочную ленту. Обратный адрес, как и на остальных посылках, гласил: «Уотервилл, штат Мэн». Внутри лежал листок с напечатанным текстом:

Дорогой мистер Куин! Как одному из самых

ценных клиентов компании «Товары И Зет», мы предлагаем Вам опробовать нашу новую продукцию. Мы искренне надеемся, что она станет важной частью Вашей повседневной жизни и сэкономит Ваше драгоценное время, как и многие другие наши товары, приобретенные Вами на протяжении долгих лет. Если по каким-либо причинам наша продукция Вам не подойдет, Вы можете вернуть ее в течение тридцати календарных дней. Еще раз благодарим за сотрудничество. С любыми вопросами Вы можете обратиться в отдел по работе с клиентами, позвонив по нижеуказанному номеру. Мы работаем, чтобы сделать Вашу жизнь лучше, продуктивнее и комфортнее.

*С наилучшими пожеланиями,
президент компании «Товары И Зет»
УолтерФ. Темпест*

Я высыпала кусочки упаковочного пенопласта и аккуратно сложила их возле коробки. Внутри оказался пакет с двумя картинками. На первой была изображена женщина, стоящая на кухне и взвешивающая на стол, заваленный рулонами фольги и упаковочной бумаги, с такой растерянностью, будто ее сейчас хватит удар. На второй – та же самая женщина, на том же месте, но уже никаких рулонов, только к стене прикреплена небольшая пластиковая коробочка, из которой она вытягивает какую-то обертку. На этот раз у женщины такое блаженное выражение лица, которое бывает разве что у ма-

донн на картинах или у людей, принимающих тяжелые наркотики. «Надоело сражаться с тоннами оберточной бумаги и бороться с беспорядком в шкафчиках? Купите „Аккуратного упаковщика“, и вы получите то, что вам нужно. Удобные отделения с пакетами для сэндвичей и для заморозки, фольгой и оберточной бумагой спасут вас от беспорядка в ящиках. Все и всегда будет под рукой!» – гласила надпись под картинками.

Я провела пальцем по краю коробки и отложила ее в сторону. Странно, что может разбудить тоску по человеку. Я пережила похороны с кучей народу, бесконечный поток открыток с соболезнованиями, сочувственный шепот на поминках. Но каждый раз, когда приходила очередная коробка из штата Мэн, мое сердце разлеталось на кусочки.

Папа обожал такие штучки и не мог пройти мимо любой ерунды, которая якобы упрощает жизнь. Эта его слабость и склонность к бессоннице представляли собой взрывоопасное сочетание. Поздним вечером он часто сидел на первом этаже, просматривая контракты или отправляя письма, и вдруг по телевизору начиналась реклама очередного чуда. Он попадался с первых секунд: сначала на делано счастливую улыбку ведущего, непринужденно болтающего с производителем товара, потом на демонстрацию, после которой следовало обещание подарка за немедленный заказ. К этому моменту он уже доставал из кармана кредитку, а другой рукой набирал номер.

– Это настоящее чудо, – возбужденно говорил он мне, предвкушая очередной заказ. Для него все было чудом: и «Полный набор поздравительных открыток» на все праздники, от фестиваля Кванза до летнего солнцестояния (и ни одной открытки с Рождеством), купленный им для мамы, и похожая на капкан пластиковая штуковина, обещающая легко и быстро уложить мои волосы в настоящий французский узел (закончилось тем, что ее пришлось вырезать вместе с волосами).

Папа не переживал из-за того, что мы с мамой и сестрой весьма скептически относимся ко всем этим «новинкам», ведь они обещали ответы на главные жизненные вопросы. Не философские вопросы – откуда взялось человечество и есть ли Бог, – а самые что ни на есть житейские: действительно ли существует зубная щетка, с помощью которой можно и зубы чистить, и рот полоскать? Для папы ответ был очевиден: «Конечно да!»

– Вы только посмотрите! – восхищенно говорил он, пытаюсь заразить нас своим энтузиазмом. Папа во всем умел находить хорошее.

– Видишь, – он ставил передо мной подстаканники, вырезанные из поролона, или говорящий карманный напоминатель, или кофеварку с дистанционным управлением, – какая великолепная идея! Большинство людей даже не задумываются, как это может облегчить жизнь!

Я с самого раннего детства знала, как нужно отвечать, что-

бы его порадовать: «Ух ты, здорово!»

Прирожденная актриса, Кэролайн в отличие от меня даже не пыталась прикинуться заинтересованной: «О боже, папа, зачем ты покупаешь всю эту ерунду?» Мама старалась поддерживать папу сколько могла. Когда он получил кофеварку с дистанционным пультом управления, мама спрятала недавно купленную кофемашину и начала пользоваться папиным чудом техники. Но когда однажды в три часа ночи мы проснулись от запаха кофе, потому что кофеварка уловила сигнал от соседской радионяни, чудо техники с позором выдворили из кухни. Мама честно старалась привыкнуть и к новому держателю для салфеток, который папа установил в ее машине, ведь он, как утверждали производители, сводил к минимуму опасность аварии, но однажды держатель отвалился на полном ходу и треснул ее по лбу, так что она чуть не выехала на встречную полосу.

Папину смерть мы все переживали по-разному. Кэролайн взяла на себя эмоциональную составляющую. Она так много плакала, что, казалось, вот-вот высохнет. Я молчала, злилась и отказывалась горевать, потому что этого все от меня ждали. А мама начала приводить в порядок все, что попадалось на глаза. Через два дня после похорон она устроила генеральную уборку. Деловито перемещалась по дому, искря статикой, и от нее исходило такое напряжение, что у меня начинали стучать зубы.

Я стояла в дверях своей комнаты, наблюдая, как она опу-

стошает бельевой шкаф, отправляя в мусорный мешок старые махровые полотенца и никому не нужные двойные простыни. На кухне в мешок с грохотом полетело все подряд – одинокий стакан в форме банки для джема, бесплатная рождественская тарелка из «Банки печенья»... Она перетаскивала мешок из комнаты в комнату, пока не наполнила до отказа. Все оказалось под угрозой. Вернувшись однажды из школы, я обнаружила, что мой шкаф тоже подвергся нападению: из него исчезли все вещи, которые я давно не носила, а оставшиеся были аккуратно разложены по полочкам. Я поняла, что ни к чему нельзя привыкать. Стоит отвернуться – и ты это потеряешь.

«Товары И Зет» держались до последнего. Но в субботу, через неделю после похорон, мама проснулась в шесть утра и начала выносить из гаража коробки с вещами для волонтеров из «Доброй воли». К девяти гараж почти совсем опустел. На улице оказались старая беговая дорожка, садовые шезлонги, коробки с совсем новыми рождественскими украшениями. Я, конечно, волновалась за маму, устроившую этот разгром, но еще больше меня беспокоило другое. Что будет, когда все закончится, и единственными объектами, которые можно оставить или выбросить, останемся мы с сестрой? Я прошла по траве к подъездной дорожке, обойдя пирамиду банок с краской.

– Ты хочешь все это отдать?

– Да, – кивнула мама, наклонившись над коробкой с плю-

шевыми игрушками, – если тебе что-то нужно, то забирай, пока не поздно.

Я стала разглядывать осколки своего детства. Розовый велосипед с белым сиденьем, сломанные пластмассовые санки, спасательные жилеты из катера, проданного много лет назад. Весь этот вроде бы ненужный хлам по какой-то непонятной причине был мне очень дорог. Я понятия не имела, что взять. И тут мне на глаза попалась коробка от «И Зет». На самом верху лежало самонагревающееся полотенце для рук, которое папа еще пару недель назад называл чудом науки. Я бережно достала полотенце из коробки и пропустила между пальцами тонкую махровую ткань.

– Вряд ли тебе пригодится этот бесполезный хлам, Мейси, – нахмурилась мама, державшая в руках ящик с мягкими игрушками. Сверху торчал облезлый жираф, принадлежавший, насколько я помнила, Кэролайн.

– Знаю, – тихо отозвалась я.

Тут, громко сигналив, подъехал фургон из «Доброй воли». Мама помахала волонтерам рукой и пошла показывать, что забирать. Пока они грузились, я стояла и думала, сколько раз в день этим людям приходится заходить в чужие дома и забирать вещи. И все равно ли им, умерли владельцы этих вещей, или хозяева просто избавляются от ненужного хлама?

– Смотрите, ничего не забудьте! – крикнула мама, направляясь в дом.

Двое парней подняли беговую дорожку.

– У меня есть и пожертвование, сейчас принесу чековую книжку!

Волонтеры продолжали грузить в машину коробки и ящики, а я все стояла и смотрела.

Невысокий паренек с рыжими волосами, вернувшийся вместе с напарником за рождественской елкой, кивнул на коробку у моих ног.

– Это тоже?

Я чуть не сказала «да», но, взглянув на полотенце и на все остальное, вспомнила, как радовался папа этим посылкам, как улыбался, доставая новое приобретение, как хотел поделиться со мной своей радостью первооткрывателя.

– Нет, это мое. – Я подняла коробку и понесла в свою комнату. Подтащила стул к шкафу, вскарабкалась наверх. Выдвижная панель над самой верхней полкой открывалась прямо на чердак. Я отодвинула ее и толкнула коробку в темноту.

Мы полагали, что папина смерть положила конец нашим отношениям с компанией «И Зет», но через месяц после похорон на пороге вдруг обнаружилась новая посылка, на сей раз комбинация ручки и карманного степлера. Мы с мамой решили, что это папин последний заказ, но снова ошиблись, потому что еще через месяц нам прислали декоративный садовый разбрызгиватель в виде камня.

Мама позвонила в компанию. Менеджер по работе с клиентами рассыпалась в извинениях и объяснила, что благодаря количеству заказов папа получил статус Золотого клиен-

та, так что ему каждый месяц приходит бесплатный товар на тестирование, но это ни к чему не обязывает. Она клятвенно пообещала исключить папу из списка. Однако после этого обещания посылки продолжали приходить с завидной регулярностью, хотя мама аннулировала кредитку, которой папа пользовался для оплаты заказов.

У меня была на этот счет теория, которой я ни с кем не делилась. Папа умер на следующий день после Рождества, когда подарки уже открыты, ими начинают пользоваться или прячут подальше. Маме достался браслет с бриллиантами, сестре – горный велосипед, а мне папа подарил только свитер, несколько компакт-дисков и открытку, на которой нацарапал своим неровным почерком: «Жди большего...» Когда я прочла эти слова, папа многозначительно кивнул.

– Твой подарок опаздывает, зато он особенный, – загадочно сказал он. – Тебе понравится.

Я не сомневалась в его словах. Папа знал меня лучше, чем кто-либо другой, он понимал, чем меня можно порадовать. Мама рассказывала, что в детстве я всегда начинала плакать, как только теряла папу из виду, и наотрез отказывалась есть, если мое любимое блюдо – ярко-оранжевые макароны с сыром, доллар за три пачки в ближайшей бакалее, готовил не он. Но дело не только в эмоциях. Мы с папой были настроены на одну волну. Даже в тот страшный, самый последний день, когда ему не удалось разбудить меня, несколькими минутами позже меня словно вытолкнуло из постели. Может,

у него уже начинался сердечный приступ, и я почувствовала его боль. Я никогда не узнаю.

В те первые дни я много думала об открытке с обещанием большего. Что же хотел подарить мне папа? И хотя я была уверена, что это не какая-нибудь ерунда от «И Зет», непрекращающийся поток посылок действовал утешительно, словно папа все еще со мной и держит слово.

Каждый раз, когда мама относила коробки в мусорку, я перехватывала их и пополняла свою коллекцию. Я никогда не пользовалась их содержимым, предпочитая верить обещаниям чуда на слово. Хранить память о человеке можно по-разному, но мне казалось, что такой способ понравился бы папе больше других.

Глава 2

– Мейси, солнышко, спускайся, гости прибывают! – Мама звала меня уже второй раз, но я продолжала стоять перед зеркалом, расчесывая волосы, не желавшие соответствовать моим представлениям о совершенстве.

Раньше я не слишком интересовалась своей внешностью. Я знала, что из-за невысокого роста кажусь младше своих лет, лицо у меня круглое, глаза карие, а веснушки на носу, очень заметные в детстве, теперь видны только с близкого расстояния. Летом мои светлые волосы выгорали и приобретали зеленоватый оттенок от плавания в бассейне. Слово «прическа» означало для меня резинку на запястье, чтобы можно было в любую минуту сделать хвостик. Меня не волновало, как я выгляжу, важно было, что я могу – например, быстро бегать.

Однако для новой Мейси, стремившейся к совершенству, внешность составляла важную часть образа. Если хочешь, чтобы тебя считали солидной и серьезной, нужно примерно так и выглядеть.

Это требовало усилий. Всегда идеально уложенные волосы, каждая прядь на своем месте. Если меня подводила кожа, я пускала в ход консилер и основу для макияжа, чтобы замаскировать красные пятнышки и темные круги под глазами. В последнее время я могла сидеть перед зеркалом по

полчаса, нанося на веки тени и подводку, подкручивая и разделяя ресницы и по тысяче раз проводя по ним щеточкой. Я увлажнила лицо, почистила зубы нитью, выпрямилась и встала. Вот теперь хорошо.

– Мейси? – Снизу снова послышался мамин голос, звонкий и бодрый.

Я в последний раз провела расческой по волосам и отступила на шаг от зеркала. Идеально. И как раз вовремя.

Когда я спустилась, мама стояла в дверях, приветствуя своей фирменной улыбкой вновь прибывшую пару гостей. Мама умела правильно улыбаться людям, которые могли вложить деньги в ее проект: уверенно, но не высокомерно, дружелюбно, но без заискивания. Она не хуже меня знала, какое большое значение имеет внешность. В торговле недвижимостью, как и в старшей школе, все зависит от первого впечатления. Оно может спасти от катастрофы или разрушить все твои планы.

– Наконец-то! – обернулась она ко мне. – Я уже начала волноваться.

– Никак не могла уложить волосы, – отозвалась я, вежливо улыбаясь новым гостям, показавшимся на пороге. – Чем тебе помочь?

Мама заглянула в гостиную, где несколько человек изучали варианты оформления таунхаусов на плакатах, прикрепленных к стене. Когда мама затевала новый проект, то всегда устраивала прием для потенциальных клиентов. «Луч-

ший способ убедить людей, что ты можешь построить дом их мечты, – показать им свой собственный», – считала она. Стратегия правильная, если только вас не раздражают незнакомые люди, слоняющиеся по вашей гостиной.

– Будь добра, загляни на кухню и проверь, как там дела с едой и напитками, – ответила мама. – А если вдруг заметишь, что заканчиваются брошюры, то в гараже есть еще одна коробка.

Она снова огляделась по сторонам и улыбнулась вновь прибывшим гостям.

– Да, и если кто-то спросит, где ванная комната...

– Вежливо и тактично показать им, куда пройти, – закончила я за нее.

Показывать людям, где ванная комната, было моей главной обязанностью на маминых приемах. Можно сказать, моей специальностью.

– Умница. – Мама поспешила к двери, заметив у входа какую-то даму в брючном костюме.

– Добро пожаловать! – воскликнула она. – Я Дебора Куин. Очень рада, что вы пришли!

Мама не знала эту женщину, но если хочешь что-то продать, надо вести себя так, словно все люди мира – твои хорошие знакомые.

– Мне нравится этот район, – заметила гостья. – Я как раз узнала, что вы собираетесь начать застройку, и...

– Я покажу вам подробные планы домов, – предложила

мама. – Вы заметили, что во всех проектах присутствует гараж на две машины? Знаете, многие люди не понимают, как важен отапливаемый гараж.

Ну все, мама оседлала своего конька. Трудно поверить, что когда-то любезничать с чужими людьми было для нее мучительнее, чем сидеть в кресле у дантиста, пока он пломбирует зубные каналы. Но есть такое слово: «надо». Старайтесь, и у вас все получится. Если повезет, конечно.

Когда папа встретил маму, компания «Дома Куин», основанная им в одиночку сразу после колледжа, занималась обшивкой коттеджей деревом и уже имела неплохую деловую репутацию. Папа нанял на работу маму, только что окончившую бухгалтерский колледж, потому что его финансы пришли в полный беспорядок.

Мама изучила «документы», написанные зачастую на салфетках и спичечных коробках, привела в порядок отчетность и уладила вопрос с налогами, о которых папа «забыл» несколько лет назад. В процессе между ними вспыхнуло чувство. Они оказались идеальной командой: обаятельный папа, душа любой компании, и организованная мама, с удовольствием работавшая с документацией и «общими перспективами». Казалось, ничто их не остановит.

Наш микрорайон Уайлдфлауэр-Ридж – мамино детище. Раньше мама с папой тоже строили дома на продажу, но на этот раз они задумали полноценный жилой комплекс с особняками, таунхаусами, многоквартирными домами и неболь-

шим деловым центром, вписанный в единое зеленое пространство. Объединение города и природы, возвращение к истокам и все такое – веяние будущего, как говорила мама.

Папе сначала все это не слишком нравилось, но годы брали свое, и мамина идея позволила ему взять на себя руководство и контроль, а стучать молотками могли и другие. Через два месяца они заложили фундамент первого дома – нашего.

Они работали вместе и дальше, принимая потенциальных покупателей в своем образцовом доме. Папа находил клиентов, обрушивая свое южное обаяние на северян, а с местными обсуждал то, что их интересовало: гонки и барбекю. Он знал в этом деле толк, умел расположить к себе и вызывал доверие. Естественно, что каждый хотел доверить ему строительство своего дома. Да они бы доверили ему собственных детей! Мама же занималась документацией, согласовывала финансовые вопросы. Дома продавались, как горячие пирожки. Все шло так, как предсказывала мама. Пока не случилась беда.

Я знала, что мама винит себя в папиной смерти. В последнее время он слишком много работал, а она, как ей теперь казалось, чересчур сильно давила на него с новым проектом, и его сердце не выдержало. Если бы не это, все могло быть иначе. Со своей стороны я обвиняла себя. Я не должна была его бросать, а ей надо было оставить его в покое. Нас связывала общая тайна, о которой мы никогда не говорили...

Так легко говорить в прошедшем времени. Но мы жили

в настоящем, и у нас не оставалось выбора – надо было продолжать начатое. Мы с мамой много трудились: я – в школе, она в одиночку тянула на себе весь бизнес. Каждое утро мы расправляли плечи, укладывали волосы и приветствовали весь мир улыбками, отрепетированными в доме нашей мечты, теперь ставшем чересчур большим, полным зеркал, отражавших наши улыбки. Но горе сидело глубоко внутри, и боль не проходила.

Я только что показала дорогу в ванную комнату рассерженной особе с пятном от красного вина на блузке (в нее врезался официант выездного ресторана) и вдруг заметила, что стопка брошюр на столике в холле растаяла на глазах. Радуюсь поводу прогуляться, я выскользнула на улицу.

Пройдя по центральной дорожке и обогнув стоящий на подъездной аллее фургон выездного ресторана, я повернула к гаражу. Заходящее солнце окрасило небо за грядой деревьев, отделяющей нас от соседнего района новостроек, в насыщенный золотисто-розовый цвет. Начиналось лето. Раньше это означало для меня утренние тренировки на беговой дорожке и долгие часы в бассейне в попытках усовершенствовать свое обратное сальто. Но этим летом я работаю.

Джейсон трудился в публичной библиотеке Лейквью с пятнадцати лет и обеспечил себе репутацию человека, который знает все на свете. Посетители привыкли, что он может что угодно – найти редкую книгу о Екатерине Великой

или починить вышедшие из строя библиотечные компьютеры. Они любили его по той же причине, что и я: он знал ответ на любой вопрос. Кроме того, Джейсон обладал почти культовым статусом у своих коллег, двух высокоэрудированных девушек. Обе не слишком хорошо относились ко мне, как к подруге Джейсона, поскольку, по их мнению, я сильно недотягивала до интеллектуального уровня их кумира. Я подозревала, как нового сотрудника они примут меня еще прохладнее, и не ошиблась. Они хихикали, когда Джейсон показывал мне все тонкости работы с библиотечной поисковой системой, и дружно закатывали глаза в ответ на мои вопросы о карточном каталоге. Джейсон, казалось, ничего не заметил, а когда я намекнула ему, нетерпеливо отмахнулся.

– Тебе нужно беспокоиться не об этом, – сказал он. – Вот если ты не будешь знать, как быстро восстановить доступ к базе данных в случае системного сбоя, то у тебя могут возникнуть серьезные проблемы.

Он был, как всегда, прав. Но работа бок о бок с заносчивыми всезнайками меня заранее пугала.

В гараже я направилась к полкам, где мама держала все необходимое для работы, отодвинула в сторону таблички «Продается» и «Открытый дом» и достала коробку с брошюрами. Из открытой двери раздавались голоса, музыка, смех и звон бокалов. Я взяла коробку, выключила верхний свет и направилась к дому, чтобы продолжить выполнение своей главной обязанности. Но когда я проходила мимо мусор-

ных баков, кто-то вдруг бросился на меня из кустов с криком «Попался!».

Я подпрыгнула, завизжала и уронила коробку, которая с глухим стуком упала на землю. Брошюры разлетелись в разные стороны. Разумеется, я совершенно не ожидала такого внезапного нападения. У меня дыхание перехватило. Наступила тишина. Потом мимо проехала машина.

– Берт! Что ты делаешь? – раздался голос со стороны фургона.

Кусты у меня за спиной зашевелились и сказали:

– Я, кажется, тебя напугал?

Послышались шаги, и я увидела на дорожке юношу в белой рубашке и черных брюках, с сервировочным блюдом под мышкой. Подойдя ближе, он прищурился, стараясь разглядеть меня в полутьме, и сказал в сторону кустов:

– Нет, ты кое-кого другого напугал.

Теперь он стоял совсем рядом, и мне удалось его рассмотреть. Высокого роста, стройный, с волнистыми каштановыми волосами, слишком длинными для парня, с четкими скулами и правильными чертами лица, он был сногшибательно красив. Такого трудно не заметить, даже если у тебя есть бойфренд.

Парень спросил:

– Ты жива?

Я кивнула. Сердце еще колотилось быстрее, чем положено, но я начала приходить в себя. Он постоял, внимательно

вглядываясь в кусты, потом засунул руку в самую гущу и вытащил мальчишку, похожего на него и точно так же одетого, только ниже ростом и плотнее, с такими же темными глазами и волосами. Выглядел он на несколько лет младше, а лицо у него было красное как помидор.

– Ну ты даешь, Берт, – со вздохом сказал старший.

– Ты должна понять, – обратился ко мне тот, кого называли Бертом, – я хотел все устроить с размахом.

– Просто извинись, – посоветовал юноша.

– Извини, – сказал Берт и вытащил из волос сосновую иголку. – Я тебя кое с кем перепутал.

– Не страшно, – ответила я.

Старший толкнул его плечом и показал взглядом на брошюры.

Берт упал на колени и начал собирать листки, а мы – ему помогать.

– И ведь почти получилось, – бормотал мальчик себе под нос. – Он чуть не попался!

Возле черного хода загорелась лампа, вокруг стало светло как днем. Дверь кухни распахнулась. На лестнице стояла беременная женщина в красном фартуке, с черными выющимися волосами, собранными на макушке.

– Что случилось, мальчики? Где блюдо, которое я просила принести?

– Здесь, – откликнулся старший парень, протягивая мне собранные с земли брошюры.

– Спасибо, – кивнула я.

– Пожалуйста. – Он поднялся по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, и отдал блюдо женщине, в то время как младший собирал последние брошюры.

– Чудесно, – сказала женщина, – а теперь, Уэс, вернись к бару, ладно? Если они как следует выпьют, то не заметят, что еда задерживается.

– Конечно. – Парень нырнул в дверь и исчез на кухне.

Женщина провела рукой по животу и взгляделась в стущавшиеся сумерки.

– Берт! Где...

– Здесь я, – отозвался Берт из-под террасы.

Она обернулась на звук его голоса.

– Ты что, на земле?

– Ага.

– И что ты там делаешь?

– Ничего.

– Понятно. Когда закончишь, вынеси, будь добр, крабовые биточки, они остывают.

– Ясно. Уже иду.

Женщина вернулась в кухню, и до меня донеслись какие-то восклицания насчет канapé. Берт вылез из-под террасы, сложил собранные брошюры в стопку и протянул мне.

– Мне правда очень жаль. Так глупо вышло.

– Все в порядке, – сказала я, а он снова достал из волос листик, – просто досадная случайность.

Он серьезно посмотрел на меня:

– Случайностей не бывает.

Я удивленно взглянула на круглое лицо с пухлыми щеками и широким носом. Его густые волосы были чересчур короткими, словно их стригли дома. Он внимательно смотрел мне в лицо, словно желая удостовериться, что я поняла его слова.

– Берт! Биточки! – снова крикнула женщина.

– Да, – отозвался мальчик, встряхиваясь.

Он подошел к лестнице и начал быстро подниматься. Добравшись до верха, снова посмотрел на меня и сказал:

– Мне действительно очень жаль.

За последние полтора года я слышала эти слова так часто, что они утратили свой смысл. Но, как ни странно, у меня появилось чувство, что он говорит это искренне. Он еще раз повторил извинение и ушел.

В гостиной я застала маму погруженной в разговор с подрядчиками. Я добавила брошюр в стопку и проводила до ванной комнаты спотыкающегося мужчину, не желавшего расставаться с бокалом вина, а потом осмотрелась в поисках пустых бокалов. Вдруг из кухни донесся страшный грохот, и наступила мертвая тишина. Стихли разговоры, люди перестали ходить туда-сюда с бокалами в руках, даже сам воздух как будто замер.

– Все в порядке! – бодро провозгласил из-за двери громкий женский голос. – Продолжайте веселиться.

Послышалось удивленное бормотание, затем – чей-то неуверенный смех, и все потихоньку вернулось на круги своя. Мама, не снимая с лица улыбки, подошла ко мне и тихо сказала:

– Клиентку облили вином, закусок не хватает, да еще и катастрофа на кухне. Повезло мне с рестораном... Не могла бы ты посмотреть, что там у них случилось?

– Конечно, – согласилась я, – уже иду.

Войдя в кухню, я сразу же наступила на что-то мягкое и скользкое, а потом заметила, что по всему полу катаются какие-то маленькие шарики. Возле мойки стояла маленькая девочка, не старше трех лет, со смешными хвостиками на голове. Когда несколько шариков подкатились к ее ногам, она сунула пальцы в рот и широко распахнула глаза.

– Ну вот, – вздохнула беременная женщина в красном фартуке, стоявшая у плиты с пустым противнем в руках. – Похоже, мы остались без тейфтелек.

Я подняла ногу – посмотреть, что прилипло к подошве, но дверь за моей спиной распахнулась так резко, что я чудом успела отскочить в сторону. В кухню деловито вошел Берт, на этот раз без иголок в волосах и с подносом.

– Делия, – он поставил на стол поднос с пустыми бокалами и смятыми салфетками, – нам бы еще крабовых биточков.

– А мне бы успокоительного, – отозвалась женщина усталым голосом, – но нельзя всегда получать то, что хочется. Бери сырные шарики и скажи, что крабовые биточки будут

чуть позже.

– А они точно будут? – усомнился Берт, осторожно обходя малышку, с улыбкой тянувшую к нему липкие ручонки.

Девочка уселась на пол и обиженно захныкала.

– Ну, не сию секунду, конечно, – пожала плечами Делия.
– Я говорю прогностически.

– А разве есть такое слово? – удивился Берт.

– Просто возьми сырные шарики и иди! – воскликнула Делия и взяла девочку на руки.

– Люси, пожалуйста, ради бога, умоляю тебя, давай обойдемся без истерики. Да что же это такое! Я наступила на тефтельку! Где Моника?

– Я тут, – отозвался девичий голос со стороны черного хода.

– Брось сигарету и немедленно иди сюда, – раздраженноскомандовала Делия. – Возьми веник и убери эти дурацкие тефтельки. Так. Нужны еще сырные шарики, а Берт пусть вынесет... что ты хотел?

– Крабовые биточки, – напомнил Берт. – Прогностически говоря. А Уэс просил лед.

– Они в духовке, сейчас будут готовы, – Делия, не спуская девочку с рук, пошла за веником. – Биточки, разумеется, а не лед. Люси, пожалуйста, не слюнявь мамочку. А лед... черт, я не помню, где у нас лед! Куда мы его положили?

– В переносной холодильник. – Дверь черного хода открылась, и в кухню неспешно вошла высокая сутулая девушка

с длинными волосами медового цвета. Она остановилась у духовки, медленно открыла дверцу, заглянула внутрь, снова закрыла и выключила газ.

– Готово.

– Чудесно. Тогда достань их и выложи на поднос.

Делия перехватила малышку другой рукой и начала собирать тефтельки в совок. Моника со скоростью улитки добралась до рабочего стола, взяла прихватку и снова направилась к духовке.

– Я дождусь биточков или нет? – вмешался Берт. – Это уже совсем...

Делия выпрямилась и посмотрела на него. Что-то подсказало мне, что не стоит начинать выяснение отношений именно сейчас. Я подняла ногу и попробовала отскрести от подошвы остатки тефтельки.

– Хорошо, сырные шарики, – быстро сказал Берт. – Уже иду. Кстати, мне нужен помощник. Ношусь как ошпаренный, – и он вышел за дверь.

Делия устало вздохнула:

– Моника, тебе придется все-таки выйти в зал.

Моника достала из духовки лист с горячими крабовыми биточками. Отложив совок, Делия подошла к столу и начала торопливо выкладывать их на поднос.

– Но...

– Я знаю, что обещала, но у нас аврал. Бери поднос, иди медленно и смотри куда идешь. И не разлей там ничего, по-

жалуйста, ради бога, умоляю.

Судя по всему, последняя часть – «ради бога, умоляю» – была у Делии чем-то вроде мантры.

– Хорошо. – Моника заправила за ухо прядь волос, взяла поднос и медленно направилась к выходу в гостиную.

Делия безнадежно покачала головой ей вслед и подобрала с пола еще несколько тефтелек. Малышка продолжала хныкать, и Делия ласково успокаивала дочь, одновременно доставая с металлической тележки поднос, накрытый пищевой пленкой. Я никогда в жизни не видела более нуждающегося в помощи человека, чем Делия в тот момент, но не успела я предложить свои услуги, как она принялась размышлять вслух.

– Что же еще? – Она поставила поднос на стол, закрыла глаза и прижала руку ко лбу, пытаясь вспомнить.

– Лед, – подсказала я.

Она вздрогнула и обернулась.

– Лед, ну конечно же, лед. Спасибо. А ты кто?

– Мейси. Я здесь живу.

Выражение лица Делии изменилось. Кажется, она догадывалась, что будет дальше.

– Мама просила посмотреть, как тут у вас дела, – поспешно сказала я. – И передать, что...

– Что мы ее достали, – закончила за меня Делия.

Я замялась.

– Ну, не совсем...

Но тут из гостиной раздался грохот и звон стекла, после чего наступила мертвая тишина.

– А теперь? – с грустной усмешкой поинтересовалась Делия.

Малышка снова захныкала.

– Вообще-то да, – кивнула я, уверенная, что это еще мягко сказано.

– О господи, – Делия закрыла лицо рукой, – полная катастрофа.

Я не знала, что сказать. Честно говоря, наблюдая за происходящим, я уже разнервничалась, а каково же быть ответственной за весь этот кошмар!

– С другой стороны, все не так плохо, – заметила Делия. – Если хуже некуда, то скоро станет лучше. Правильно?

Я промолчала, и мой рейтинг доверия сразу упал. Таймер духовки издал бодрый писк.

Делия расценила это как сигнал к действию.

– Мейси, – сказала она вдруг, – можешь ответить на один вопрос?

– Конечно.

– Ты умеешь обращаться с лопаткой?

Такого я не ожидала, но, преодолев замешательство, ответила утвердительно.

– Вот и замечательно, – обрадовалась Делия. – Тогда иди сюда.

Через пятнадцать минут я вошла в ритм. Это было все

равно что печь печенье, только на скорость. Выложить биторочки или сырныы шарикккк на лист ровными рядами, поставить в духовку, вытащить готовые, сложить на поднос, отправить. Повторить.

Делия, в два раза быстрее и в сто раз аккуратнее выкладывая на поднос канапе, наблюдала за мной:

– Отлично, Мейси! Ты могла бы стать преуспевающим работником выездного ресторана, если бы там хоть кто-то преуспевал.

Я улыбнулась. В дверь сунулась усталая Моника с пустым подносом, усыпанным салфетками. После второй катастрофы ее обязанности ограничили переносом только твердых веществ, но когда она налетела на колонну и высыпала половину подноса сырных шариков на рубашку какому-то зазевавшемуся гостю, ее понизили до сборщика мусора и пустых бокалов. Казалось бы, медленное передвижение снижает риск аварии, но Моника опровергала логику.

– Как там дела? – поинтересовалась у нее Делия, бросив взгляд на Люси, уснувшую в детском автомобильном кресле на кухонном столе.

Если честно, Делия меня поразила. Признав ситуацию безнадежной, она немедленно ее исправила. За каких-то пару минут она успела подготовить еще два подноса канапе, найти лед и успокоить Люси. Повторяя мантру «пожалуйста, ради бога, умоляю», она делала все, что могла, и в конце концов у нее получалось. Просто невероятно.

– Нормально, – коротко отозвалась Моника, доползла до мусорного контейнера и, помедлив с минуту, начала освобождать поднос.

Делия раздраженно закатила глаза и вздохнула. Я вставила в духовку новый лист.

– У нас не всегда все кувыркком, честное слово, – сказала мне Делия, открывая следующую упаковку сырных шариков. – Обычно мы – образец профессионализма и организованности.

Услышав это, Моника фыркнула. Делия бросила на нее сердитый взгляд.

– Видишь ли, сегодня от меня сбежала няня, а у официантки оказались неотложные дела, и все пошло наперекосяк. Знаешь, как это бывает?

Я кивнула. У меня в последнее время все шло наперекосяк.

– Мейси! Вот ты где! – В дверях стояла мама. – Все в порядке?

Вопрос, заданный вроде как мне, на самом деле был адресован Делии, и она это прекрасно поняла, потому что стала выкладывать на поднос закуску в три раза быстрее. За ее спиной Моника наконец закончила освобождать поднос от салфеток и медленно направилась к столу, стуча подносом по коленкам.

– Да, – отозвалась я. – Делия рассказывала мне, как делать крабовые биточки.

Мама провела рукой по волосам. Это означало, что она вышла на тропу войны. Делия, должно быть, тоже это почувствовала и, вытерев руки полотенцем, спокойно повернулась к маме.

– Гостям очень нравится угощение, – начала мама голосом, не предвещавшим ничего хорошего, – но...

Делия сделала глубокий вдох.

– Можете не продолжать, миссис Куин.

Я опустила голову, открывая новую упаковку закусок.

– Мне очень жаль, что все началось так бестолково, – продолжала Делия. – Я в последнюю минуту выяснила, что людей не хватает, но это не оправдание. Я откажусь от оставшейся оплаты в надежде, что вы захотите воспользоваться нашими услугами в дальнейшем.

Многозначительное молчание, следовавшее за этой речью, прервал крик ворвавшегося в дверь Берта.

– Нужны еще канapé! – возвестил он. – Разлетаются, как горячие пирожки.

– Берт, – Делия заставила себя улыбнуться, – не надо так кричать. Мы тебя прекрасно слышим.

– Извините, – потупился мальчик.

– Вот, возьми, – я протянула ему полный поднос и забрала пустой. – Биточки будут через пять минут.

– Спасибо, – поблагодарил он, а затем взгляделся и узнал меня. – О, привет. Так ты тоже здесь работаешь?

– Нет, – я поставила перед собой пустой поднос. – Не со-

всем.

Бросив взгляд на маму, я поняла, что она потихоньку успокаивается.

– Хорошо, – сказала она наконец, – я принимаю ваши извинения и считаю компенсацию справедливой. Угощение и вправду замечательное.

– Спасибо, я очень вам признательна, – ответила Делия.

Из гостиной донесся взрыв смеха, который окончательно убедил маму, что все не так ужасно.

– Думаю, мне пора вернуться к гостям. – Она повернулась к двери, но вспомнила обо мне: – Мейси, когда закончишь здесь, поможешь мне, хорошо?

– Конечно. Буду через минуту, – пообещала я, взяв прихватку и направляясь к духовке проверить биточки.

– Кстати, ваша дочь – чудесная помощница, – заметила Делия маме. – Я уже сказала ей, что, если она захочет подработать, я с радостью возьму ее к себе.

– Очень мило с вашей стороны, но Мейси этим летом уже работает в библиотеке.

– Ничего себе, – улыбнулась Делия, – это здорово.

– Всего лишь информационная стойка, – пожалала плечами я, в сотый раз открывая дверцу духовки. – Отвечать на вопросы и все такое.

– А, девочка, которая знает все ответы.

– Да, Мейси большая умница, – с гордостью ответила мама.

Я не знала, что сказать – что тут скажешь? – поэтому молча достала из духовки лист с биточками.

Когда мама вернулась в гостиную, Делия подошла с прихваткой и отобрала у меня лист.

– Ты мне очень помогла, правда. Но будет лучше, если ты вернешься к маме.

– Нет, все в порядке, – заверила я ее. – Она даже не заметит моего отсутствия.

– Может, и так. Но ты лучше иди, – улыбнулась Делия. Люси заворочалась в кресле и что-то пролепетала во сне, потом снова затихла.

– Значит, библиотека? – сказала Делия. – Это круто. – Всего лишь на лето. Кое-кого заменяю.

Она стала перекладывать биточки на поднос.

– Понятно. Но если что-то не заладится, я всегда буду тебе рада. Мне нужны люди, которые выполняют указания и могут ходить по прямой.

В подтверждение этих слов Моника открыла дверь и все так же медленно прошла за очередным подносом, сдувая с лица длинную челку.

– Выездной ресторан – безумная работенка, – вздохнула Делия. – Не знаю, зачем тебе такое, особенно когда есть спокойные варианты. Однако если вдруг почувствуешь нехватку хаоса, позвони мне, хорошо?

– Крабовые биточки! – прокричал Берт, проносясь между нами. – Нужны еще!

– Берт, мы не глухие, – напомнила ему Делия.

Я пошла к двери. Моника широко зевнула. Берт нетерпеливо переминался на месте, ожидая своего подноса. Делия стала умолять Монику ради бога ускорить шаг. Казалось, они уже забыли о моем существовании, но мне почему-то захотелось ответить.

– Да, – громко сказала я, надеясь, что она услышит, – я позвоню.

Последним гостем вечеринки оказался слегка подвыпивший громогласный мужчина в синем джемпере. Он распрощался с нами в девять тридцать, и мама, закрыв за ним дверь, с видимым облегчением сняла туфли на высоком каблуке. Поцеловав меня в лоб и поблагодарив за помощь, она направилась в кабинет, чтобы собрать пакеты для людей, которые написали в анкете, что хотят получить больше информации. Контакты, как я успела узнать, – это все. Нужно ковать железо, пока горячо, не то клиенты моментально ускользнут.

Думая об этом, я поднялась к себе в комнату и проверила почту. Джейсон написал мне, как и обещал, но это письмо было скорее напоминанием о том, что я должна сделать в его отсутствие в библиотеке (сходи за ключами для ксерокса, их замена очень дорого стоит, не забудь в субботу отправить письмо Клубу зарубежных культур по поводу лекции в августе, и все такое). В конце Джейсон жаловался, что устал, и обещал через пару дней написать больше. И подпись. Никаких «люблю, скупаю» или чего-нибудь в этом духе. Не то

чтобы меня это удивило. Джейсон никогда особо не выражал свою привязанность, ни в словах, ни на деле. Он презирал пары, которые слишком откровенно выставляют напоказ свои чувства, и терпеть не мог сентиментальных моментов в кино. Я знала, что он по-своему привязан ко мне. Просто он сдержанный и не привык выражать свои эмоции. За то время, что мы встречались, я успела привыкнуть к его стилю общения, хотя вначале хотелось большего. К тому же мы никогда не разлучались надолго, и ему вовсе не обязательно было постоянно доказывать свои чувства.

Но мы впервые за все время расстались больше чем на два дня, и я остро ощущала его отсутствие. Я вдруг поняла, что даже те мелкие знаки внимания, что он мне оказывал, нельзя переслать по электронной почте. И все равно я была уверена, что он меня любит. Выйдя из почты, я открыла окно, выбралась на крышу и села, обняв руками колени. Посидела так несколько минут, глядя на звезды, и вдруг услышала внизу голоса. Хлопнула дверца машины, затем еще одна. Я посмотрела вниз. Вокруг фургона с надписью «Уиш кейтеринг» ходили ребята, помогавшие сегодня на приеме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.